

УДК: 392

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-55-71

«Счастливым богат волосами,
несчастливый – ногтями»:
представления народов Кавказа
о роли волос и ногтей в судьбе человека

Любовь Т. Соловьева

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, lubsolov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные представления народов Кавказа о том, какие обряды необходимо было соблюдать при первом сбривании «утробных» волос и первом обрезании ногтей младенца, чтобы тот стал достойным человеком, а также представления о магическом значении волос, прежде всего женских.

Ключевые слова: Грузия, народы Кавказа, утробные волосы, ритуальный постриг, ногти младенца, магия волос

Для цитирования: Соловьева Л.Т. «Счастливым богат волосами, несчастливый – ногтями»: представления народов Кавказа о роли волос и ногтей в судьбе человека // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 1. С. 55–71. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-55-71

“Happy is the one who has a lot of hair,
unhappy is the one who has a lot of nails”.
The role of hair and nails in human destiny
in the beliefs of the peoples of the Caucasus

Lyubov T. Solovyeva

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lubsolov@gmail.com*

Abstract. The article considers traditional ideas of the peoples of the Caucasus about what rituals and ceremonies had to be observed during the first shaving of the “uterine” hair and the first cutting of the baby’s nails in order for him to become a worthy person, as well as ideas about the magical meaning of hair, first of all female.

© Соловьева Л.Т., 2022

Keywords: Georgia, peoples of the Caucasus, uterine hair, ritual haircut, baby nails, hair magic

For citation: Solovyeva, L.T. (2022), “ ‘Happy is the one who has a lot of hair, unhappy is the one who has a lot of nails’. The role of hair and nails in human destiny in the beliefs of the peoples of the Caucasus”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 55–71, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-55-71

Во время экспедиционной работы в Грузии от одного из информантов мне довелось услышать поговорку: «Счастливый богат волосами (букв. «у счастливого частые/густые волосы»), несчастливый – ногтями» (груз. «ბედნიერს თმაში ხშირიო, უბედურშიც – ფრხილებო»). Это высказывание противопоставляет волосы – часть тела, которая имеет определенную эстетическую и символическую ценность (густые (а для женщин – также и длинные) волосы в большинстве случаев соответствуют принятому в обществе идеалу красоты), и ногти, которые, как бы быстро они ни росли, все равно приходится обрезать, то есть это вещь как бы бесполезная. Однако, когда речь идет о новорожденном, о младенце в первые дни и месяцы его жизни, значение волос и ногтей можно вполне сопоставить, поскольку и то и другое требовало к себе внимания, выполнения по отношению к ним в определенные сроки необходимых манипуляций. Согласно традиционным представлениям народов Кавказа, нарушение установленных правил могло принести ребенку в будущем большие неприятности (даже сделать преступником), повредить его здоровью, помешать ему обрести профессиональные навыки и стать успешным и уважаемым членом общества.

Волосы, с которыми младенец появлялся на свет («утробные» волосы), воспринимались в народе как ритуально нечистые, опасные для младенца, поскольку они явились в «этот мир» из «иного мира». Видимо, поэтому эти волосы у некоторых народов Кавказа имели особые названия: «мышинные волосы» (у адыгов, абазин), «медвежьи волосы» (у абхазов), «собачьи волосы» (у карачаевцев, балкарцев, ногайцев и других тюркских народов). Так же называлась и первая рубашка, которую надевали на младенца в течение 40 дней после рождения – «мышинная», «собачья» и т. д. У терекеменцев Дагестана они назывались «нечистыми» – «мурдар тюк» [Гаджиева 1990, с. 180]. Грузинские термины «муцлис тма» (მუცლის თმა), «намуцлари тма» (ნამუცლარი თმა) аналогичны термину «утробные волосы» (*муцели* – живот, *тма* – волосы).

Считалось необходимым через определенный срок полностью «удалить», сбрить utробные волосы, причем это сопровождалось

множеством условий, запретов, ритуальных действий. Существовали различные традиционные сроки первой стрижки – 3 дня, 7 дней, 40 дней, 7 недель, 1 год, 3 года, 5 лет, 7 лет. Некоторые из этих дат, возможно, были связаны с нормами религии или с периодом, в течение которого роженица и ребенок традиционно считались «нечистыми» (40 дней, 7 недель), или же с датами, когда в отношении детей полагалось исполнять определенные обряды, как правило, менявшие их социальный статус (1 год и т. д.).

У лакцев первая стрижка происходила через 7 дней, у аварцев – через месяц или 40 дней, у даргинцев, терекеменцев Дагестана – через 40 дней, у балкарцев – как можно раньше (уже после 3-го или 7-го дня), но обязательно до исполнения года, у ногайцев – после года; у чеченцев – через 40 дней, через 3–4 месяца, через год; у абхазов, адыгейцев, кабардинцев, черкесов – в год, у азербайджанцев Грузии – через 40 дней или через год; перед Новруз-байрамом; у осетин Грузии – через год, у грузин – через 7 недель или через год, у грузин Аджарии (мусульман) – через 40 дней, у курдов Закавказья – через год или даже через несколько лет. У азербайджанцев и грузин волосы стригли не раньше, чем зарастет родничок.

Литературные и полевые этнографические материалы показывают значительную вариативность и локальную изменчивость срока первой стрижки даже в одном регионе, у одного и того же народа в разных селениях. Так, в Западном Дагестане, по данным 1926 г., первая стрижка происходила через 7 дней, а по материалам 1990-х гг. – через 2–3 месяца [Карпов 1998, с. 125].

Представления о ритуальной «нечистоте» утробных волос были сильнее выражены у народов, исповедующих ислам. Так, у народов Западного Дагестана, если отец прикасался к волосам, с которыми ребенок появлялся на свет, то перед совершением намаза он должен был более тщательно сделать омовение [Карпов 1998, с. 126]; у ингушей старики говорили, что нельзя молиться в доме, где у новорожденного не сострижены волосы и ногти, с которыми он появился на свет [Пчелинцева, Соловьева 1996, с. 122]; балкарцы называли эти волосы «нечистыми», *харам*¹.

У большинства народов Кавказа считалось, что утробные волосы могут повредить здоровью ребенка: по мнению осетин, «волосы новорожденного делали его предрасположенным к глазу» [Дзугцев, Бесаева 1994, с. 49–50]. Грузины Аджарии объясняли необходимость сбрить первые волосы (*муцлис тма*) тем, что, если не состричь их, в дальнейшем волосы будут расти «слабыми», если не состричь по достижении 40 дней – ребенок вырастет «глазливый»².

¹ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1988 г.

² Полевые материалы автора. Грузия. 1983 г.

По представлениям балкарцев, если ребенок заболел до бритья «собачьих волос» (*итлик чач*), болезнь будет протекать особенно тяжело и долго, возможно, всю жизнь, «болезнь не отойдет от ребенка»³. По мнению кабардинцев, сохранение «мышиних волос» приводило к тому, что волосы плохо росли и были слишком мягкими⁴. Чеченцы считали, что «волосы, с которыми ребенок был в утробе матери, мешают ему расти», «голове тяжело носить первые волосы», «первые волосы “тяжелые”, они мешают ребенку расти, полнеть»⁵. Такого же мнения придерживались лакцы, они говорили: родовые волосы «тяжелы» для ребенка [Булатова 2000, с. 288]. Если первая стрижка происходила не в первые дни и месяцы, то волосы обязательно подравнивали, когда они дорастали до глаз, чтобы ребенок не увидел свои «утробные» волосы: в этом случае он мог стать «глазливый» или косоглазым.

Человека, который сбривал первые волосы ребенка, выбирали по четким критериям. Поскольку бритье производилось опасной бритвой, на эту роль приглашали в основном мужчин. По традиции отца ребенка до этого не допускали, объясняя это тем, что это повредит младенцу (лакцы считали, что в этом случае на голове ребенка появятся болячки) [Булатова 2000, с. 288]. Иногда учитывали главным образом фактор родства – выбирали дядю по матери (аварцы, даргинцы), брата отца, деда или старшего родственника из семьи отца (кабардинцы), родственника со стороны отца (адыгейцы)⁶. Поскольку повсеместно считалось, что ребенок обретает физические свойства и черты характера того, кто состриг его первые волосы, могли выбрать и молодого родственника, соседа, отвечавшего необходимым требованиям. Чеченцы выбирали молодого парня, «который еще растет», с хорошим здоровьем, с густыми волосами (особенно если стригли девочку)⁷.

Балкарцы доверяли первую стрижку человеку с хорошей репутацией, умелому работнику; предпочитали первенца в семье [Кучмезова 2003, с. 88]. Выбирали здорового, рослого, непьющего, доброго, спокойного, умеющего ладить с соседями; ни в коем случае не приглашали жадного человека – считалось, что в этом случае волосы долго не вырастут⁸. Абхазы также полагали, что свойства характера, ум этого человека, качества его волос (красота, блеск и т. д.)

³ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1988, 2002 гг.

⁴ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1988 г.

⁵ Полевые материалы автора. Чечено-Ингушетия. 1990 г.

⁶ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария, 1988 г.; Адыгея. 2006, 2007 гг.; Дагестан. 1985, 1990 гг.

⁷ Полевые материалы автора. Чечено-Ингушетия. 1990 г.

⁸ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1988 г.

передадутся ребенку [Дбар 2000, с. 51]. У некоторых народов (адыгейцы, грузины) обращали внимание на то, чтобы у этого человека были живы родители (груз. *დედამიანი* – დედამიანო – «счастливый», букв. «имеющий отца и мать»)⁹. У азербайджанцев Грузии для первого бритья нередко приглашали цирюльника или парикмахера¹⁰, что можно сопоставить с аналогичной ролью цирюльника у народов Средней Азии [Абашин 2001, с. 202]. У грузин в особых случаях первые волосы обрезал священник или служитель святилища, у курдов – «волосяной шейх».

Первая стрижка сопровождалась выполнением как рациональных, так и магических действий, направленных на успешное развитие ребенка. Даргинцы после обривания волос смазывали голову, нос, уши ребенка топленым маслом¹¹. Аварцы при этом слегка надрезали кожу на голове, чтобы показалась кровь. Так полагалось сделать, «чтобы жизнь продлилась», «чтобы дожил до следующей стрижки» [Соловьева 1996, с. 185]. Грузины Аджарии сначала выстригали прядь волос ножницами (это называлось «выстричь слова»): «Ребенок будет хорошо говорить» (груз. *სიტყვა-ნასუხიანი იკნება* – «სიტყვა-ნასუხიანო იყბობა»), и только потом брили ребенка¹². Здесь имело значение, что ножницы при стрижке производят звонкий звук (следовательно, предполагалось, что и ребенок заговорит), тогда как бритва действует бесшумно. Волосы предпочитали стричь в четверг и при полной луне.

Абхазы при первой стрижке, чтобы у девочки были длинные косы, сажали ее на побег тыквы, а чтобы волосы были густыми и кудрявыми – на барашка; человек, срезавший волосы ребенка, и ребенок обращались лицом на восток – «на восход солнца», чтобы «волосы росли так же, как каждый день встает солнце» [Дбар 2000, с. 51–52].

У мусульманских народов первая стрижка сопровождалась раздачей *садаки* (милостыни). У даргинцев в этот день покупали конфеты и раздавали детям; сумма денег на конфеты соответствовала весу состриженных волос. Такой же обычай был известен балкарцам, азербайджанцам Грузии; деньги могли отдать тому, кто стриг ребенка, бедному односельчанину¹³. В Западном Дагестане родители ребенка раздавали деньги сиротам [Карпов 1998, с. 126]. Лакцы, взвесив волосы первой стрижки, могли столько же денег раздать

⁹ Полевые материалы автора. Грузия, 1983 г.; Адыгея. 2006 г.

¹⁰ Полевые материалы автора. Грузия. 1989 г.

¹¹ Полевые материалы автора. Дагестан. 1985 г.

¹² Полевые материалы автора. Грузия. 1987 г.

¹³ Полевые материалы автора. Дагестан. 1985 г.; Кабардино-Балкария. 1988 г.; Грузия. 1985, 1989 гг.

в селении, раздавали купленные на эти деньги сласти или же из масла, равного по весу состриженным волосам, варили халву и раздавали на улице [Булатова 2000, с. 288].

В особых случаях первая стрижка откладывалась на несколько лет, причем это касалось в большинстве случаев мальчиков. Так, у курдов, по материалам Т.Ф. Аристовой, девочек вообще не стригли, а мальчику первые волосы срезал через год или через несколько лет специальный «волосяной шейх» (*шейхе бэке*). После этого родители могли уже сами стричь ребенка. Придя в дом, шейх приносил мальчику подарок – что-то из одежды. Подобные посещения и приношения повторялись в два-три года один раз; родители устраивали по этому случаю богатое угощение и дарили шейху барана [Аристова 1966, с. 162].

В горных районах Восточной Грузии нельзя было обрезать волосы ребенка в течение 7 недель (период ритуальной «нечистоты» матери и ребенка). Впервые волосы полагалось обрезать, когда исполняли для ребенка обряд приобщения к традиционному святилищу (*хати*, *джвари*). Так, у грузин Мтиулету были известны обряды *гарева* («приобщение»), *хатиши гарева* («приобщение к хати»), когда к святилищу вели ребенка, приносили в жертву барана, *араку*, *када*, хлеб, свечи. Служитель святилища (*деканоз*) звонил в колокол, молился, обрезал ребенку волосы, высоко поднимал их и, дунув на них, говорил: «Вырасти такой высоты, человеком вырасти», «Да благословит тебя *хати*, вырастай, стань рабом святилища». «Вырастай на славу рода, на славу Родины». В некоторых святилищах волосы девочкам не обрезали, деканоз только принимал подношения и благословлял ребенка. Мальчика же подкатывал к святилищу, обрезал его волосы и рисовал кровью жертвы крест на лбу. Если до совершения этого обряда волосы у ребенка вырастали слишком длинными, мать могла их подрезать, но сохраняла и затем относила в святилище¹⁴.

По мнению В.В. Бардавелидзе, обряд *гарева* и другие аналогичные ритуалы представляли собой «мистерию усыновления божеством ребенка». Об этом свидетельствует то, что главными моментами этих обрядов было подкатывание ребенка под знамя *джвари* (в данном случае знамя олицетворяло само божество) и острижение ему волос служителем святилища, что считалось в некоторых районах Грузии составной частью обряда усыновления [Бардавелидзе 1949, с. 93].

У грузин Хевсурети первая стрижка волос мальчика сопровождалась особым обрядом (для девочек его не выполняли) *тавмасапарсав сахмто* – «/жертвоприношение/ богу по случаю

¹⁴ Полевые материалы автора. Грузия, 1983 г.

стрижки головы» (краткое название – *тавмасанарсо, сахмто*). Исполнялся он, когда мальчику было от 3 до 5 лет. Нередко его приурочивали к одному из поминальных дней, причем обязательно в начале нечетного года. До этого времени волосы только подравнивали, когда они дорастали до глаз; мальчику волосы всегда обрезал мужчина, при этом на затылке у него оставляли нетронутый прядь – *кучула*.

Многолюдное торжество длилось несколько дней, сопровождалось жертвоприношениями, молитвами и благословением ребенка и его семьи. Каждый приглашенный, держа в руках чашу с пивом и свечу, произносил здравицу в честь мальчика. Когда благословение завершалось, один из мужчин (как правило, выбирали неженатого) сбривал ребенку волосы. Если мальчику еще не было 5 лет, его не брили наголо, а только выбривали на голове крест, так как до исполнения 5 лет «не разрешалось оголять голову мальчика». Во время стрижки все снова молились о том, чтобы бог дал ему «добрую судьбу». Срезанные волосы мать хранила, а впоследствии их клали с ней в могилу.

В Восточной Грузии (Картли, Кахети), если в семье не выжили дети или заболел «желанный» ребенок, давали обет одной из церквей: «Лишь бы у меня выжил ребенок, и один год (два, три года и т.д.) он будет твоим монахом (*бери*), а через год мы его приведем на твой двор в белой (красной) одежде и с жертвами». В течение обещанного времени ребенку не стригли волос, называли его *бери* (монах) или *молозани* (монашка); одевали в одежду указанного в обете цвета. В назначенный день в церкви принесли жертву, священник обрезал ребенку волосы; одежду и обрезанные волосы оставляли в церкви. Это называлось *берад шекенеба* (ბერად შეკენება) или *берад дакенеба* (ბერად დაკენება) (от *бери* – «монах», *шекенеба*, *дакенеба* – «поставить, оставить»). После выполнения этого обряда, по народному представлению, ребенок обретал покровителя в лице того святого, «монахом» которого он был, и его жизни больше не угрожала опасность [Соловьева 1995, с. 73].

У армян Грузии (Болнисский район), если в семье долго не рождался мальчик или умирали дети, то родившегося мальчика до 7 лет одевали, как девочку, и не стригли волосы. После 7 лет устраивали угощение, возле церкви обрезали волосы, резали жертвенное животное и его кровью рисовали крест на лбу мальчика¹⁵.

Азербайджанки, не имевшие сыновей или если новорожденные умирали, давали обет не стричь волосы ребенку до 3 или 7 лет. По истечении срока мальчика вели на святое место (*оджаг, пир*), где его стригли и оставляли столько медных или серебряных монет,

¹⁵ Полевые материалы автора. Грузия. 1985 г.

сколько весили волосы. Остриженные волосы брали с собой и хранили дома [Каракашлы 1964, с. 173].

Терекменцы Дагестана в том случае, если в семье подряд умирали несколько детей, не брили полностью голову мальчика, оставляли прядь волос (*кэкил*). Когда ему исполнялось 7 лет, *кэкил* срезали, устраивали специальное торжество – *кэкил той*. Нарядно одетого мальчика выводили в центр двора, сажали на ковер; родственники подходили к нему и бросали на приготовленный для этого поднос деньги. Затем один из старейших родственников, обычно дядя по отцу или по матери, отрезал *кэкил*. Этот обряд, который, по-видимому, в прошлом был связан не только со снятием чуба, но и с благополучным достижением 7-летнего возраста, сопровождался богатым угощением для всей родни [Гаджиева 1990, с. 180].

У народов Западного Дагестана также был обычай при бритье оставлять мальчикам прядь волос; даргинцы заплетали такую прядь в косичку и по достижении 7 лет устраивали торжество и срезали ее [Карпов 1998, с. 129].

Существовали определенные правила, как следовало поступать с первыми состриженными волосами, причем в основном запрещалось бросать их куда попало. Существовало несколько народных объяснений этого запрета: волосы могут зацепиться за лапку лягушки и тогда у человека будет болеть голова [Соловьева 1996, с. 184]; в них запутаются птичьи лапки, а это нехорошо; их может найти змея и свить себе из них гнездо, после чего у владельца волос появятся страшные головные боли и он может сойти с ума (народы Западного Дагестана) [Карпов 1998, с. 125–126]; если птица унесет волосы в клюве в свое гнездо, то тот, кому принадлежали волосы, часто будет страдать от головных болей (балкарцы) [Кучмезова 2003, с. 89]. По представлениям абхазов, если волосы ребенка после стрижки унесет птица, выющая гнездо, то пока эти волосы не сгниют, человека, которому они принадлежат, будут мучить головные боли [Дбар 2000, с. 51]. Так же считали грузины Аджарии¹⁶.

Необходимость прятать первые (а нередко и все) волосы в «чистое», укромное, надежное место объяснялась тем, что, «используя волосы и ногти, можно было совершать колдовство (*хыйны*), насылая порчу (*хыйны заран*) их обладателю» [Кучмезова 2003, с. 89]. Существовало также представление, что на том свете придется «отвечать перед богом, куда человек подевал обрезанные ногти и волосы, и покойника посылают собирать все, что было им разбросано»; как говорили аварцы: «Мы в ответе за все, что с нас упало».

¹⁶ Полевые материалы автора. Грузия. 1987 г.

Поэтому некоторые (особенно женщины) всю жизнь собирали свои волосы и ногти, «чтобы потом их положили с ними в могилу, в саван» [Соловьева 1996, с. 184].

Особое внимание уделялось первым состриженным волосам, особенно мальчика-первенца. Чеченцы такие волосы хранили в доме: считалось, что они «обеспечат благополучие всем другим детям» [Чеснов 1996, с. 150].

У мусульманских народов, чтобы мальчик вырос «ученым», его первые волосы клали в Коран [Раджабов и др. 2017, с. 453]. Лакцы завязывали волосы в лоскуток материи и привязывали к люльке или клали в специально изготовленный маленький мешочек треугольной формы и пришивали к одежде или головному убору. Иногда их клали между камнями в стене мечети или своего жилища, т. е. туда, где на них не могли наступить [Булатова 2000, с. 288].

Были также известны следующие варианты: первые волосы прятали в подушку ребенка; заворачивали в бумагу или ткань и закладывали в стену дома (азербайджанцы Грузии)¹⁷; в стену дома или сарая, клали на потолочную балку (даргинцы)¹⁸; хранили в сундуке, клали между камней стены дома, но предпочтительно – в стену мечети (Западный Дагестан) [Карпов 1998, с. 125–126]. Аварцы эти волосы сжигали, закапывали или клали в «чистое» место: в Коран, между камнями в стене дома, на чердаке [Соловьева 1996, с. 185]. Балкарцы заворачивали их в «собачью» рубашку (*итлик кёлек*) и хранили в сундуке [Кучмезова 2003, с. 88]. Абхазы, завернув волосы в чистую материю, прятали где-либо в доме или подкладывали под большой камень [Дбар 2000, с. 52]. Адыгейцы, кабардинцы хранили первые волосы дома, завернув в белую ткань, или закапывали там, где на них не могли наступить (на углу дома), где никогда не копали землю¹⁹. Грузины Аджарии первые волосы хранили в подушке, зарывали перед молодым деревом или, завернув, привязывали к ветке молодого растущего дерева²⁰. Грузины волосы клали в навоз – «чтобы ребенок был полным» или прятали под крышу, под черепицу [Соловьева 1995, с. 55], в Мегрелии волосы могли положить туда, где росли цветы²¹. Осетины остриженные волосы клали в люльку, но волосы девочки могли бросить в реку со словами: «Чтобы были быстрые, как река», т. е. росли так же быстро, как движется река, и были густыми [Дзудцев, Бесаева 1994,

¹⁷ Полевые материалы автора. Грузия. 1985, 1987 гг.

¹⁸ Полевые материалы автора. Дагестан. 1985 г.

¹⁹ Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1988, 2002 гг.; Адыгея. 2006 г.

²⁰ Полевые материалы автора. Грузия. 1983, 1987 гг.

²¹ Полевые материалы автора. Грузия. 1984 г.

с. 49–50]. Балкарцы также иногда бросали первые волосы в реку, «чтобы все болезни вода унесла»²².

У грузин-горцев, в частности у хевсур, никакого значения не имело, кто и когда стриг девочке волосы; ее волосы выбрасывали. Волосы мальчика хранили в таком месте, где на них «никто не ступил бы ногой» [Соловьева 1995, с. 56].

Первые волосы также воспринимались как средство узнать будущее ребенка. У аварцев, когда ребенок начинал говорить, ему показывали их и спрашивали: «Чьи это волосы?» Он мог ответить: «Коровы», «Овцы» и т. п. Считалось – то, что он назвал, и принесет ему в будущем удачу [Соловьева 1996, с. 184]. У абхазов в такой же ситуации, если ребенок говорил «Коровы», – верили, что он станет хорошим пастухом, если указывал на кого-то из присутствующих – полагали, что «счастье этого человека будет и счастьем ребенка» [Дбар 2000, с. 52]. У грузин Аджарии, если ребенок говорил, что это волосы человека – то говорили, что его счастье, судьба – «в людях, от людей», если скажет, что это волосы животного – то его ожидает «удача от скота». Хорошим предзнаменованием считалось, если ребенок говорил, что это его волосы²³.

На Западном Кавказе (у адыгов, абхазов, грузин Мегрелии) стрижка волос в ряде случаев приводила к установлению отношений искусственного родства. Так, по сообщению Султана Хан-Гирея, у адыгейцев тот, кто первый раз брил голову молодому князю или дворянину, становился его аталыком, т. е. близким родственником²⁴. У абхазов человек, «состригший медвежьи волосы» ребенка, т. е. проводивший обряд первой стрижки, становился родственником²⁵. Стрижка волос была одним из элементов обряда усыновления у грузин Мегрелии²⁶.

Как видно из представленных материалов, у многих народов Кавказа к первой стрижке мальчика, к сохранению его первых волос относились более внимательно, чем к первой стрижке девочки. Иным было отношение к волосам взрослых девушек и замужних женщин, головные уборы которых должны были полностью их закрывать. Женские волосы, как считалось, обладали магической силой, которую можно было использовать как во зло, так и во благо.

²² Полевые материалы автора. Кабардино-Балкария. 1989 г.

²³ Полевые материалы автора. Грузия. 1987 г.

²⁴ *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. С. 425.

²⁵ *Джанашиа С.* Абхазы // Моамбе. Тбилиси, 1897. № 9. С. 51 (на груз. яз.). См. также [Дбар 2000, с. 52].

²⁶ *Сахокиа Т.* Культ мертвых у мегрел // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1940. С. 181 (на груз. яз.).

Женщина должна была прятать свои волосы не только от посторонних мужчин, но и от ближайших родственников мужа. Азербайджанцы считали: «В волосах женщины скрывается большая сила, показывать их можно только мужу <...> Для женщины волосы все. У нее могут быть открыты грудь, ноги до колен, а волосы и рот должны быть укрыты от взоров» [Каракашлы 1964, с. 170–171]. Балкарцы с особой тщательностью «оберегали женские волосы, особенно волосы девочек и девушек» [Кучмезова 2003, с. 89]. Те или иные действия замужней женщины со своими волосами, как считалось, могли оказать влияние даже на отношение к ней мужа. Так, у аварцев женщины остерегались сжигать свои волосы, поскольку бытовало поверье – «если муж почувствует запах сожженных женой волос, он не будет ее любить и в семье будут постоянные ссоры» [Соловьева 1996, с. 184].

По народным представлениям, если женщину видели с непокрытой головой, это сулило несмыаемый позор ей и всем родичам ее мужа. У разных народов Кавказа существуют предания о том, что случалось в таком случае с женщиной. О скалах, напоминающих женскую фигуру, азербайджанцы рассказывают, что это окаменевшая женщина, которая, удалившись в горы, решила помыть голову и ее в это время застал свекор. Не перенес позора, она обращается к богу с мольбой обратить ее в камень. У армян и грузин известно предание о происхождении удода: молодую женщину застал свекор, когда та расчесывала волосы, и проклял ее. От страха она вскрикнула и превратилась в птицу с гребешком на голове, в удода [Каракашлы 1964, с. 170].

Но в ряде случаев обычай допускал использование магической силы женских волос. Женщина распускала волосы при исполнении некоторых обрядов, связанных в основном с поминальными ритуалами (при оплакивании покойника), с обрядами вызывания дождя в случае засухи, при обращении с мольбами к высшим силам (например, когда ребенок тяжело болел оспой, корью и другими опасными болезнями). Например, у грузин Хевсурети в случае тяжелой болезни ребенка устраивали коллективное моление, во время которого женщины снимали головные покрывала (*мандили*). В присутствии женщин божество, по убеждению хевсур, скорее могло внять их молитвам, поскольку, как говорили, «снятие одного женского *мандили* превосходит молитву пяти-шести мужчин» [Соловьева 1995, с. 111].

Именно строгие требования к женщинам закрывать волосы привели к тому, что нарушение этих нерушимых норм воспринималось и как их нарушение, и как обращение к высшим силам, что позволяло женщине в определенных ситуациях, когда она снимала платок или покрывало и бросала их между дерущимися мужчи-

нами, требовать от них прекратить кровопролитие «из уважения» к женскому головному убору.

Как и всякое событие, впервые происходившее в жизни ребенка, первая стрижка ногтей у большинства народов Кавказа обставлялась различными обрядами. До исполнения 40 дней ногти нельзя было обрезать; обычно это делали в 2–3 месяца, через полгода или год (азербайджанцы, аварцы, грузины, даргинцы). Запрет делать это раньше объяснялся по-разному: «ребенок вырастет вором», «ногти станут толстыми» [Раджабов и др. 2017, с. 453; Соловьева 1996, с. 184]²⁷. Адыгейцы, кабардинцы, азербайджанцы Грузии считали, что первые ногти нельзя обрезать: мать должна их обкусывать или обламывать. У грузин Аджарии считалось, что до 40 дней (или даже до года) ногти младенцу не надо обрезать, потому что это делают «ангелы»; ребенок видит их и поэтому улыбается²⁸.

Ногти полагалось обрезать днем, заниматься этим ночью – предвещало несчастье; у мусульман это обычно делали в пятницу [Соловьева 1996, с. 184]. Чеченцы делали это в четверг, до наступления темноты. Абхазы считали, что ночью нельзя стричь ногти на руках, потому что душа ребенка «днем переходила к ногтям ног»; ногти на ногах стригли ночью, поскольку вечером душа переходила к ногтям рук [Дбар 2000, с. 53]. Грузины также предпочитали стричь ребенку ногти утром – «чтобы солнце светило, чтобы не сглазить ребенка»²⁹.

Если до наступления того момента, когда разрешалось обрезать ногти, они выросли и опасались, что ребенок оцарапается, прибегали к народным средствам. У азербайджанцев ему давали мешок (чувал), царапая который он обламывал себе ногти [Раджабов и др. 2017, с. 453]. Аварцы, даргинцы с этой целью опускали ноготки ребенка на некоторое время в муку или в замоченные отруби – считалось, что тогда ноготки сами отпадут³⁰ [Соловьева 1996, с. 184].

По народным представлениям, момент, когда первый раз стригли ногти ребенка, мог сказаться на дальнейшей судьбе ребенка; ему как бы передавались умения и способности того человека, который это делал. Поэтому для девочки старались пригласить рукодельницу, для мальчика – умелого, мастеровитого мужчину (балкарцы). У азербайджанцев Грузии было принято приглашать «ученого» человека³¹. Грузины приглашали умного, «ученого», образованного человека, владевшего какой-то профессией, учителя, врача –

²⁷ Полевые материалы автора. Грузия. 1985, 1989 гг.; Дагестан. 1985 г.

²⁸ Полевые материалы автора. Грузия. 1983 г.; Адыгея. 2006 г.

²⁹ Полевые материалы автора. Грузия, 1987 г.

³⁰ Полевые материалы автора. Дагестан. 1985 г.; Грузия. 1989 г.

³¹ Полевые материалы автора. Грузия. 1985, 1989 гг.

считали, что «ребенок вырастет с такими же умениями»; первенец также мог выполнять эту роль; выбирали человека, у которого были живы родители. У грузин Джавахети считалось обязательным, чтобы ногти мальчику всегда обрезал отец (чтобы сын походил на него), а девочке – мать [Соловьева 1995, с. 55].

Имело значение и соприкосновение в этот момент рук ребенка с вещами, символизировавшими богатство и достаток. Азербайджанцы давали ему какую-либо золотую вещь, чтобы в жизни был достаток, благополучие; или же во время стрижки ногтей ребенок должен был взять деньги из кармана своего дяди, чтобы в будущем «не воровал, брал свое» [Раджабов и др. 2017, с. 453]. У армян Грузии первый раз стригли ногти на золотом колечке или клали в кулачок деньги в подарок³². Грузины Кахети первый раз обрезали ногти «при помощи ножа и серебряной монеты» [Соловьева 1995, с. 55].

С первыми ногтями ребенка, как и с первыми волосами, поступали особым образом. Азербайджанцы закапывали их в землю («чтобы у ребенка была хорошая память»), завернув в ткань или бумагу, прятали в подушку или под подушку ребенка, в стену дома [Раджабов и др. 2017, с. 453]. Так же поступали и аварцы; бросать ногти в огонь запрещалось – иначе «будут дрожать руки» [Соловьева 1996, с. 184]. Чеченцы ногти мальчика клали в Коран, в книгу; ногти девочки – в гармошку, в другой музыкальный инструмент, в швейную машинку³³. Грузины клали первые ногти за пазуху или в колыбель ребенка; могли закопать в золу, которую выгребали из очага. В Хевсурети обрезанные ногти бросали ребенку за пазуху и говорили (как бы от имени ребенка): «Ты будешь обрезан, я же буду расти» [Соловьева 1995, с. 55].

Абхазы состриженные ногти мальчика клали в *апхярцу* – смычковый музыкальный инструмент, а ногти девочки – в *ачамгур* – трехструнный музыкальный инструмент, или в гитару, чтобы дети выросли хорошими музыкантами (на *апхярце* обычно играли мужчины, на *ачамгуре* – женщины). В начале XX в. в некоторых семьях первые ногти ребенка клали между страниц книги, чтобы ребенок стал умным и образованным [Дбар 2000, с. 53].

По традиции и в дальнейшем ногти прятали в укромном месте. Так, абхазы клали их обычно в щель где-либо в доме, чтобы домашняя птица их не подобрала, или же закапывали в золу. Об азербайджанцах в начале XX в. один из авторов писал: «При отрезывании ногтей не следует их бросать куда попало, а нужно спрятать в известном месте, чтобы на том свете можно было их подобрать как

³² Полевые материалы автора. Грузия. 1985 г.

³³ Полевые материалы автора. Чечено-Ингушетия. 1990 г.

часть тела»³⁴. Чеченцы также считали, что все ногти надо собирать и закапывать в «чистом месте», поскольку на том свете все ногти надо будет собрать; «если в грязное место бросишь – то оттуда будешь выгребать»³⁵.

Итак, рассмотренные материалы демонстрируют, что у народов Кавказа существовал сложный комплекс обрядов, поверий, норм, связанных с представлениями о том, какое значение имели для дальнейшей жизни человека те части его тела, которые вскоре после его появления на свет (пуговина) или через какое-то время после этого (волосы, ногти) отделялись от его организма. По народным представлениям, чтобы жизнь человека была благополучной, требовалось соблюдать особые правила в их отношении, поскольку они сохраняли способность влиять на физическое и умственное развитие ребенка.

Особые требования предъявлялись к действиям по отношению к «утробным» волосам и первым состриженным ногтям: пришедшие из «иного мира», они могли оказать благоприятное или пагубное влияние на будущее человека. С этим связаны сроки первого бритья или стрижки ногтей, правила помещения первых состриженных волос и ногтей в определенные «чистые», безопасные места (стена дома, мечети, подушка, колыбель, шкаф, сундук и т. д.), где на них никто не мог бы наступить (тем самым «наступив» на ребенка), где они были недоступны недоброжелателям, которые, используя их, могли наслать «порчу», а также птицам и животным. Разreshалось закопать их в землю, в золу очага, бросить в проточную воду, что, по народным представлениям, не приводило к их осквернению. Закапывая первые волосы около молодого дерева или привязывая их на его ветку, тем самым как бы помогали и младенцу расти и развиваться. С этим же было связано приглашение для первой стрижки молодого, «растущего» юноши.

Обрядность, связанная с первой стрижкой волос, в основном обеспечивала общее развитие ребенка (обрести хороший характер, умение хорошо разговаривать и т. д.), тогда как первое обрезание ногтей было направлено на развитие конкретных профессиональных навыков и различных способностей (читать, учиться, шить, играть на музыкальных инструментах и т. д.). У многих народов исполнение этих обрядов могло иметь гендерный аспект, поскольку мальчикам уделялось более значительное внимание.

³⁴ Велибеков А.К. Суеверия, приметы и объяснения снов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. С. 26.

³⁵ Полевые материалы автора. Чечено-Ингушетия. 1990 г.

Особое значение волос как социально-возрастного символа связано с широко распространенными представлениями об их сакральной силе³⁶. Многие возрастные обряды, особенно совершаемые для мальчиков, сопровождались обрядовыми постригами; с обрезанием волос было связано включение в общину, усыновление, символическое принятие ребенка под покровительство божества или традиционного святилища, установление отношений искусственного родства и т. д. Отметим также тему магии волос, особенно женских, что отражено как в преданиях о вредоносной силе женских волос, так и о возможности использовать их магические способности при выполнении целого ряда социально значимых действий. Можно отметить и имевшие значение для социализации подрастающего поколения «воспитательные», «экологические» моменты, требования соблюдать гигиенические нормы, которые обычно обосновывались возможным магическим влиянием на человека в случае их неисполнения (не разбрасывать волосы, чтобы в них не запутались птицы, собирать волосы и ногти в течение всей жизни и т. д.).

Многие рассмотренные в этой статье традиции распространены практически у всех народов Кавказа, несмотря на этнические и конфессиональные различия между ними, что говорит о древности формирования этих представлений.

Благодарности

Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательской работы (НИР) Л.Т. Соловьевой в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022 г.

Acknowledgements

The article is published in accordance with the plan of research work of L.T. Solovyova at the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2022

Литература

-
- Абашин 2001 – *Абашин С.Н.* Миндонский цирюльник // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2001. Вып. 4. С. 198–218.
- Аристова 1966 – *Аристова Т.Ф.* Курды Закавказья: Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1966. 210 с.
- Бардавелидзе 1949 – *Бардавелидзе В.В.* Земельные владения древнегрузинских святилищ // Советская этнография. 1949. № 1. С. 92–116.

³⁶ *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М., 1983. С. 68–69.

- Булатова 2000 – *Булатова А.Г.* Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. 387 с.
- Гаджиева 1990 – *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 216 с.
- Дбар 2000 – *Дбар С.А.* Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX в.). Сухум: Алашара, 2000. 134 с.
- Дзуцев, Бесаева 1994 – *Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З.* Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994. 113 с.
- Каракашлы 1964 – *Каракашлы К.Т.* Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа: Историко-этнографическое исследование. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1964. 283 с.
- Карпов 1998 – *Карпов Ю.Ю.* Ребенок и подросток в контексте традиционной культуры народов Западного Дагестана // *Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.* СПб., 1998. С. 115–147.
- Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2003. 213 с.
- Пчелинцева, Соловьева 1996 – *Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // *Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в.* М.: ИЭА РАН, 1996. С. 91–132.
- Раджабов и др. 2017 – *Раджабов Г., Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // *Азербайджанцы.* М.: Наука, 2017 (Народы и культуры). С. 445–460.
- Соловьева 1995 – *Соловьева Л.Т.* Грузия: Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.
- Соловьева 1996 – *Соловьева Л.Т.* Обряды детского цикла у аварцев // *Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в.* М.: ИЭА РАН, 1996. С. 175–193.
- Чеснов 1996 – *Чеснов Я.В.* Чеченская культура детства // *Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в.* М.: ИЭА РАН, 1996. С. 143–174.

References

- Abashin, S.N. (2001), “The Barber of Mindon”, in *Sredneaziatskij etnograficheskij sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection], vol. 4, Nauka, Moscow, Russia, pp. 198–218.
- Aristova, T.F. (1966), *Kurdy Zakavkaz'ya: Istoriko-etnograficheskij ocherk* [Kurds of Transcaucasia. Historical and ethnographic essay], Nauka, Moscow, Russia.
- Bardavelidze, V.V. (1949), “Land holdings of ancient Georgian sanctuaries”, *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 92–109.
- Butatova, A.G. (2000), *Lakcy: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX v.)* [Laks (Laktsy). Historical and Ethnographic research (19th – early 20th century)], Izdatel'stvo DNC RAN, Mahachkala, Russia.
- Chesnov, Ya.V. (1996), “Chechen childhood culture”, in *Severnyi Kavkaz: bytovye tradicii v XX v.* [The North Caucasus. Everyday traditions in the 20th century], Institut ethnology and anthropology RAN, Moscow, Russia, pp. 143–174.
- Dbar, S.A. (2000), *Obychai i obryady detskogo cikla u abhazov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Customs and rituals of the children's cycle among the Abkhazians

- (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century)], Alashara, Suhum, Abkhazia.
- Dzucev, H.V. and Besaeva, T.Z. (1994), *Etnografiya detstva u osetin* [Ethnography of childhood among Ossetians.], Vladikavkaz, Russia.
- Gadzhieva, S.Sh. (1990), *Dagestanskije terekemency: XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Dagestan Terekemen. 19th – early 20th century. Historical and ethnographic research], Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, Moscow, Russia.
- Karakashly, K.T. (1964), *Material'naya kul'tura azerbajdzhancev Severo-Vostochnoj i Central'noj zon Malogo Kavkaza: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Material Culture of the Azerbaijanis of the North-Eastern and Central Zones of the Lesser Caucasus: A Historical and Ethnographic Study], Izdatel'stvo AN Azerbajdzhanskoj SSR, Baku, USSR.
- Karpov, Yu.Yu. (1998), “A child and a teenager in the context of the traditional culture of the peoples of Western Dagestan”, in *Detstvo v tradicionnoj kul'ture narodov srednej Azii, Kazakhstana i Kavkaza* [Childhood in the traditional culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus], Saint Petersburg, Russia, pp. 115–147.
- Kuchmezova, M.Ch. (2003), *Socionormativnaya kul'tura balkarcev: tradicii i sovremennost'* [Socionormative culture of the Balkars. traditions and modernity], EL'-FA, Nal'chik, Russia.
- Pchelineva, N.D. and Solov'eva, L.T. (1996), Tradicii socializacii detej i podrostkov u narodov Severnogo Kavkaza [Traditions of socialization of children and adolescents among the peoples of the North Caucasus], in *Severnij Kavkaz: bytovye tradicii v XX v.* [The North Caucasus. Everyday traditions in the 20th century], Institut ethnology and anthropology RAN, Moscow, Russia, pp. 91–132.
- Radzhabov, G., Pchelineva, N.D. and Solov'eva, L.T. (2017), Obryady i obychai, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem detej [Rituals and customs related to the birth and upbringing of children], in *Azerbajdzhancy (Narody i kul'tury)* [Azerbaijanis (Peoples and cultures)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 445–460.
- Solov'eva, L.T. (1995), *Gruzija: Etnografiya detstva* [Georgia: Ethnography of childhood], Institut ethnology and anthropology RAN, Moscow, Russia.
- Solov'eva, L.T. (1996), “The rituals of the children's cycle among the Avars”, in *Severnij Kavkaz: bytovye tradicii v XX v.* [The North Caucasus. Everyday traditions in the 20th century], Institut ethnology and anthropology RAN, Moscow, Russia, pp. 175–193.

Информация об авторе

Любовь Т. Соловьева, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32 а; lubsolov@gmail.com

Information about the author

Lyubov T. Solovyeva, Cand. of Sci. (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 32 а, Leninskiy Av., Moscow, 119991, Russia; lubsolov@gmail.com